

Гайдуков И. Ю.

ИНСТИТУТ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЕ, ПРЕДМЕТ, МЕТОД И МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРАВА И НАУКЕ

Аннотация. В статье обосновывается вывод о том, что к настоящему времени сложился институт цифровых технологий в прокурорской деятельности. На основе концепции содержательного компонента институционализации и анализа динамики ведомственного правотворчества показано, что совокупность правовых норм, регулирующих разработку, применение, обеспечение работоспособности и безопасной эксплуатации цифровых технологий в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации, приобрела все признаки правового института. Определены предмет и метод правового регулирования данного института, обосновано его место в системе права в качестве института отрасли прокурорского права, дан прогноз о скором формировании правовой базы для включения внешнефункциональной сферы прокурорской деятельности в его предмет правового регулирования. Дана полная классификационная характеристика института: по объему регулируемых отношений, предметно-отраслевому признаку, способу регулирования, структуре, функциональной роли и форме закрепления норм. Сформулировано понятие корреспондирующего указанному институту института науки о прокурорской деятельности.

Ключевые слова: прокуратура; прокурорская деятельность; прокурорское право; цифровые технологии; правовой институт; предмет правового регулирования; метод правового регулирования; институт цифровых технологий

Для цитирования: Гайдуков И. Ю. Институт цифровых технологий в прокурорской деятельности: понятие, предмет, метод и место в системе права и науке // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 31–39. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-31-39

Gaydukov I. Yu.

INSTITUTE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN PROSECUTORIAL ACTIVITY: CONCEPT, SUBJECT, METHOD AND PLACE IN THE SYSTEM OF LAW AND SCIENCE

Abstract. The article substantiates the conclusion that the institute of digital technologies in prosecutorial activity has been formed by now. Based on the substantive-component concept of institutionalization and the analysis of the dynamics of departmental rule-making, it is shown that the set of legal norms governing the development, application, operability and safe operation of digital technologies in the bodies and organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation has acquired all the features of a legal institute. The subject and the method of legal regulation of this institute are defined, and its place in the system of law as an institute of the branch of prosecutorial law is substantiated, and a forecast is given that a legal framework for including the external functional sphere of prosecutorial activity in its subject of legal

31

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

regulation will be formed in the near future. A complete classification characteristic of the institute is given: by the scope of regulated relations, the subject-branch criterion, the method of regulation, the structure, the functional role and the form of consolidation of norms. The concept of the institute of the science of prosecutorial activity corresponding to the said institute is formulated.

Keywords: prosecutor's office; prosecutorial activity; prosecutorial law; digital technologies; legal institute; subject of legal regulation; method of legal regulation; institute of digital technologies.

For citation: Gaydukov I. Yu. Institute of Digital Technologies in Prosecutorial Activity: Concept, Subject, Method and Place in the System of Law and Science. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 31–39. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-31-39

В настоящее время наблюдается активное формирование новых правоотношений в сфере цифровых технологий в деятельности прокуратуры Российской Федерации, что неизбежно влечет увеличение количества правовых норм, регулирующих данные отношения. При этом экстенсивный рост норм права без их научного осмысления и создания соответствующей системы ведет к хаосу как в теории права, так и в законодательстве, влечет за собой проблемы в сфере совершенствования правового регулирования и правоприменения.

По мнению Е. А. Киримовой, «эффективность правового регулирования общественных отношений достигается не только посредством совершенствования законодательства, но и за счет усиления взаимодействия структурных элементов системы права, ее совершенствования, находящейся в зависимости от удачной структуры взаимодействующих элементов, и, в частности, правовых институтов» [1, с. 29]. Как справедливо отмечает О. В. Танимов, «всю сложную систему общественных взаимосвязей можно постигнуть лишь при помощи диалектики» [2, с. 11]. В данном случае применим диалектический закон перехода количественных изменений в качественные, сформулированный Ф. Энгельсом, согласно которому «в известных точках количественного изменения внезапно наступает качественное превращение» [3, с. 125].

Количественный рост правовых актов в сфере цифровых технологий в прокурорской деятельности позволяет выдвинуть тезис о фактически сложившейся институционализации правового регулирования таких правоотношений как результате диалектического качественного изменения. Для проверки данного тезиса необходимо обратиться к теоретическим положениям о правовом институте и определить достаточность совокупности норм, регулирую-

щих данные общественные отношения, для отнесения их к отдельному правовому институту.

В теории права под правовым институтом понимается сравнительно небольшая, устойчивая группа правовых норм, регулирующих определенную разновидность общественных отношений [4, с. 150].

Е. А. Джалилова определяет правовой институт как единую структурно взаимосвязанную систему норм права, регулирующих общественные отношения, схожие по содержанию и предмету регулирования, а также связанные общим законодательным замыслом [5, с. 23].

Е. А. Киримова характеризует рассматриваемое явление через такие признаки, как относительная самостоятельность, специфичность способа правового регулирования, наличие или принципиальная возможность формирования общих понятий в рамках видовых явлений [1, с. 67].

В зависимости от критерия институционализации правовых норм в науке сформировалось два подхода — концепции формализации и содержательного компонента. Если в первой концепции таким критерием является форма (например, федеральный закон, устанавливающий правовые предписания в отдельной сфере правоотношений) и первичными представляются действия законодательного органа по отношению к теории, то при втором подходе создание правовых институтов не зависит от их формального признания со стороны законодателя: они формируются и развиваются параллельно с нормативными правовыми актами, в отдельных случаях определяя их структурные особенности [5, с. 26]. Таким образом, в соответствии с концепцией содержательного компонента первичным для выделения правового института является сам факт регулирования правовыми нормами однородных общественных отношений, а при-

ведение указанных норм в систематизированный правовой акт представляет собой реакцию государства на сложившуюся в науке и обществе потребность в придании правовому институту формы, то есть форма для правового института вторична.

Нами полностью разделяется концепция содержательного компонента; тем не менее наличие более одной нормы права, регламентирующей однородные общественные отношения, является обязательным условием для правового института, так как институционализация представляет собой своеобразный метод систематизации, предполагающий наличие определенной совокупности элементов, отличной от единицы. Такого же мнения придерживается А. В. Курочкин, который отмечает в качестве негативной проявившуюся в работах некоторых ученых тенденцию к признанию институтами даже таких правовых явлений, которые вовсе не получили четкого правового закрепления [6, с. 66].

История правового регулирования рассматриваемых общественных отношений берет свое начало в 1973 г. с изданием руководящих документов высшего руководства СССР о проведении научных исследований возможности применения цифровых технологий в прокурорской деятельности и связана с разработкой Технического задания на разработку отраслевой автоматизированной системы управления «ОАСУ — прокуратура», утвержденного в 1975 г. (далее — Техническое задание 1975 г.) [7]. Несмотря на концептуальный характер данного документа, в период его реализации (1973–1984 гг.) массового правового регулирования проблемы указанной сферы общественных отношений не получили. Впоследствии, с отказом от реализации Технического задания 1975 г., вопросы правового регулирования длительное время оставались практически без внимания, а ведомственные правовые акты носили несистемный характер до утверждения в 2017 г. приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627 Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года (далее — Концепция до 2025 года)¹. Имевшиеся правовые акты в своей совокупности нельзя было рассматривать в качестве отдельного правового

института, поскольку они регулировали разрозненные аспекты деятельности прокуратуры и не имели общности предмета и метода.

С принятием названной Концепции количество норм права, связанных с рассматриваемым явлением, существенно возросло: если в период с 1992 по 2016 г. в Генеральной прокуратуре Российской Федерации издано чуть более 30 правовых актов в сфере цифровых технологий в прокурорской деятельности, то с 2017 по 2025 г. — более 200 актов, регулирующих различные стороны рассматриваемых отношений. Организационно-распорядительные документы, направленные на регулирование отношений в сфере цифровизации, издаются как в Генеральной прокуратуре РФ, так и в прокуратурах регионального звена, происходит структурирование данного направления. Таким образом, рассматриваемый институт формально определился лишь в 2017 г., что связано с возвратом к концептуальному способу регулирования общественных отношений.

Примечательно, что само применение цифровых технологий началось значительно раньше, что еще раз подтверждает первичность общественных отношений перед их правовым регулированием и тем более систематизацией.

Из изложенного следует, что общественные отношения в сфере цифровых технологий в прокурорской деятельности фактически сложились, а отдельные их стороны урегулированы существенным объемом правовых норм, что позволяет рассматривать вопрос об их институционализации.

При этом необходимо разделять понятия института в науке и законодательстве. Основой института права в законодательстве являются правовые нормы. Вместе с тем в правовой науке конкретный правовой институт представляет собой более комплексное явление и состоит из терминологической основы, теоретических положений о целях и задачах, объекте, предмете и методе правового регулирования, классификаций и других элементов, необходимости в законодательном определении которых отсутствует, а также из системы взглядов, идей и представлений о законах, регламентирующих отношения в рассматриваемой области, о его социальной обусловленности и эффективности, о закономерностях, реформировании и тенденциях развития законодательства, о принципах, истории и перспективах раз-

¹ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // Законность. — 2017. — № 12.

вия. В этом ключе примечательна позиция А. Ф. Малого и С. О. Логуновой, согласно которой если институт законодательства сфокусирован на форме выражения совокупности правовых норм, то институт права — на их содержании [8, с. 93–94].

Говоря о месте указанного правового института в системе юридических наук, можно заключить, что он входит в структуру науки о прокурорской деятельности, которая в настоящее время является направлением исследований в системе публично-правовых (государственно-правовых) наук. В качестве самостоятельной отрасли юридической науки прокурорскую деятельность выделяет К. Н. Голиков [9, с. 11]. А. Ю. Винокуров, формулируя теоретическое обоснование науки о прокурорской деятельности, отмечал, что она состоит из шести блоков: теория организации работы в прокуратуре Российской Федерации; теория управления в прокуратуре Российской Федерации; теория функций и иных направлений деятельности, осуществляемых органами прокуратуры; теория компетенций и полномочий прокуроров; история формирования и развития прокурорской деятельности в России и науки о ней; теория организации и осуществления прокурорской деятельности в зарубежных странах [10, с. 129].

Принимая во внимание характер общественных отношений, связанный с совершением собственноручной деятельности прокуратуры, а также субъектный состав участников правового регулирования, преимущественно состоящий из органов, организаций прокуратуры и прокурорских работников, рассматриваемый институт в настоящее время носит внутрифункциональный (внутриотраслевой) характер и может быть отнесен к теории организации работы в прокуратуре.

Вместе с тем цифровые технологии активно используются органами прокуратуры и во внешнефункциональной деятельности, однако эта практическая сторона деятельности пока не получила широкого нормативного закрепления (на уровне федерального законодательства к рассматриваемой категории можно отнести только п. 4 и 5 ст. 51 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», вступающие в силу с 1 января 2027 г.), в связи с чем не может рассматриваться в качестве составляющей правового института. Представляется, что применение цифровых технологий во внешнефункциональной деятельности прокуратуры в скором времени

получит нормативное закрепление, в связи с чем встанет вопрос о его институционализации.

С учетом исторического многообразия правовых актов и научных изысканий проблемы становления и развития цифровых технологий в прокурорской деятельности уже сейчас могут изучаться в рамках истории формирования и развития прокурорской деятельности в России и науки о ней, а зарубежный опыт — в рамках теории организации и осуществления прокурорской деятельности в зарубежных странах. Таким образом, институт цифровых технологий в деятельности прокуратуры России является институтом науки о прокурорской деятельности и разделом нескольких ее блоков, что подтверждает его комплексный характер.

Для дальнейшего рассмотрения признаков институционализации правоотношений в сфере цифровизации прокуратуры необходимо выявить такие элементы правового института, как предмет и объект правового регулирования. Предмет правового регулирования — это та сфера общественных отношений, на которую распространяется право: «это не предмет в смысле вещи или личности человека, или действия, это отношения людей по поводу вещей, лиц и действий» [11, с. 27]. Структуру предмета правового регулирования составляют субъекты, объекты правового регулирования, социальные факты, способствующие возникновению соответствующих отношений, а также практическая деятельность людей [1, с. 11]. Объект правового регулирования является структурным элементом предмета — это предметы, явления окружающего мира, по поводу которых люди вступают во взаимоотношения друг с другом и к которым проявляют свой интерес [1, с. 71]. Как справедливо отмечает Е. В. Свинин, одним из основных факторов, определяющих предмет правового института, является однородность регулируемых общественных отношений [12, с. 126].

Однородными в структуре общественных отношений в рассматриваемой сфере являются специальные субъекты — органы и организации прокуратуры, а также их работники, и объект — цифровые технологии, а также их взаимосвязь при осуществлении прокуратурой России своей деятельности. Анализ правовых норм, регулирующих данные общественные отношения, показывает, что их можно подразделить на нормы, регулирующие разработку и внедрение цифро-

вых технологий (например, Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года)², применение уже разработанных и внедренных технологических решений (например, приказ Генерального прокурора РФ от 30.09.2024 № 712 об использовании автоматизированного информационного комплекса «Надзор-WEB»³), обеспечение работоспособности и безопасной эксплуатации цифровых технологий (относится к вспомогательной сфере деятельности прокуратуры. Например, отдельные положения приказа Генерального прокурора РФ от 27.11.2019 № 830 по вопросам информационной безопасности и инженерно-технической защищенности⁴), а также нормы, регулирующие иные отношения, связанные с цифровой трансформацией (например, организационного характера — Положение о Главном управлении правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ).

Учитывая изложенное, под предметом правового регулирования рассматриваемого института предлагается понимать нормативно регулируемые общественные отношения, складывающиеся при разработке и внедрении, применении, обеспечении работоспособности и безопасной эксплуатации цифровых технологий в деятельности органов, организаций прокуратуры Российской Федерации и их работников, а также непосредственно связанные с ними отношения.

Вместе с тем согласно положениям правовой науки определить предмет правового регулирования недостаточно, чтобы выделить сферу общественных отношений в правовой институт. Как отмечают Н. И. Матузов и А. В. Малько, в основе деления права на институты лежат два критерия — предмет и метод правового регули-

рования: «предмет является главным, материальным критерием разграничения норм права по отраслям, поскольку он имеет объективное содержание, предопределен самим характером общественных отношений и не зависит в принципе от воли законодателя. Метод же служит дополнительным, юридическим критерием, так как произведен от предмета» [4, с. 152]. При этом для определения метода правового регулирования необходимо установить место института цифровых технологий в деятельности прокуратуры в системе права, так как, согласно позиции О. С. Иоффе, под методом как критерием разграничения понимается специфический способ применения общетраслевого метода к регулируемому виду общественных отношений [13, с. 58].

Несмотря на наличие споров в научном сообществе, в настоящее время, по мнению многих исследователей, правовые нормы о прокурорской деятельности выделяются в отдельную отрасль права, однако дискуссионными остаются предмет правового регулирования данной отрасли и, как следствие, ее наименование. Так, В. Г. Даев и М. Н. Маршуннов именovali данную отрасль прокурорско-надзорным правом [14, с. 54]; аналогичный вывод ввиду особого специфического механизма реализации прокуратурой полномочий делал В. И. Рохлин [15, с. 7]. По мнению А. Ф. Смирнова и А. А. Усачева, «многообразие отраслей права, регламентирующих деятельность прокуратуры, установление в законе предмета ее деятельности и определенного круга субъектов создают некий синергетический эффект и позволяют сформулировать утверждение о существовании самостоятельного прокурорского или прокурорско-надзорного права» [16, с. 26]. Е. Р. Ергашев обосновал наличие отрасли прокурорского надзорно-охранительного права, нормы которой находятся в различных нормативных правовых актах, относящихся к множеству отраслей права, однако имеют свои особенные предмет и метод правового регулирования и, следовательно, составляют единую совокупность, особую автономную ветвь, звено права, отличающееся от любой другой совокупности» [17, с. 26]. В. Ю. Шобухин выделял прокурорское право, которое «представляет собой совокупность юридических норм, институтов, регулирующих статус прокуратуры и прокурорских работников, а равно общественные отношения, возникающие при осуществлении функций про-

²Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.09.2025 № 621 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации» // Законность. — 2025. — № 11.

³Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30.09.2024 № 712 «Об использовании автоматизированного информационного комплекса „Надзор-WEB“ в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» // ИСОП (дата обращения: 15.03.2026).

⁴Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 27.11.2019 № 830 «Об утверждении Концепции безопасности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» // Законность. — 2020. — № 1.

кураторы», относя к предмету правового регулирования отрасли и отношения внутриорганизационного характера [18, с. 44]. О выделении прокурорского права в качестве самостоятельной отрасли высказывался и А. Ю. Винокуров [19, с. 84]. Данную позицию в разное время разделяли В. И. Батюк, Ю. Е. Винокуров, В. К. Галузо, В. К. Звирбуль, В. Ф. Крюков, Н. В. Ласкина, В. Д. Ломовский, В. Г. Мелкумов, В. С. Тадевосян и другие ученые.

Вместе с тем указанная позиция разделяется не всеми. Против выделения соответствующей отрасли выступали С. С. Алексеев [20, с. 101] и А. Ф. Козлов [21, с. 45], отмечавшие неоднородность правовых норм, регулирующих правоотношения, складывающиеся при осуществлении прокурорской деятельности, а также тот факт, что нормы, регулирующие прокурорскую деятельность, относятся к различным отраслям права. О. В. Воронин указывает, что прокурорский надзор, во-первых, «не обладает самостоятельным предметом и методом правового регулирования», поскольку общественные отношения, составляющие его предмет, в действительности принадлежат другим отраслям права, а во-вторых, признание прокурорского надзора самостоятельной отраслью права «является искусственным», так как в его основу кладется только одна сторона деятельности прокуратуры — надзор — при игнорировании других аспектов и направлений прокурорской деятельности [22, с. 43].

По нашему мнению, с опорой на приведенные исследования ученых, правовые нормы о прокурорской деятельности имеют признаки однородности, поскольку в своей основе регламентируют деятельность органов, организаций и должностных лиц прокуратуры Российской Федерации, имеют свои научно обоснованные предмет и особый метод правового регулирования, который, например, по мнению Е. Р. Ергашева, представляет собой «тот юридический инструментарий, посредством которого прокуратура оказывает необходимое воздействие на волевое поведение участников общественных отношений» [17, с. 23]. Второй аргумент О. В. Воронина, на наш взгляд, вовсе не опровергает выделение указанной отрасли права, а, напротив, лишь указывает на необходимость включения в нее не только правовых норм о надзорной деятельности прокуратуры, но и норм об иных функциях и направлениях деятельности, а также норм, регулиру-

ющих внутрифункциональную и вспомогательную деятельность.

Таким образом, мы придерживаемся позиции о самостоятельности отрасли прокурорского права, включающего в себя нормы, регулирующие функции и иные направления деятельности, а также внутриорганизационные отношения прокуратуры Российской Федерации. С учетом изложенного общественные отношения, связанные с цифровыми технологиями в деятельности органов и организаций прокуратуры, в настоящее время могут иметь институциональное значение именно в рамках прокурорского права, при этом в будущем, при совершенствовании, например, уголовно-процессуального законодательства, связанного с осуществлением прокурорами надзорной функции и функции уголовного преследования, могут приобрести внутриотраслевой смешанный характер.

Как отмечает В. Ю. Шобухин, главенствующее место в системе методов прокурорского права занимает императивный метод, однако применяются и другие методы — диспозитивный, метод поощрения и наказания, дозволения, запрета, предписания [18, с. 45]. С учетом специфики организации прокуратуры России на основе подчинения нижестоящего прокурора вышестоящему и Генеральному прокурору РФ, а также принимая во внимание позицию Н. И. Матузова и А. В. Малько, можно выделить метод субординации и властного приказа, позволяющий эффективно регулировать управленческую, служебную, оперативную и иную деятельность государственных органов и должностных лиц [4, с. 154]. Указанный метод является основополагающим в правовой регламентации института цифровых технологий в прокурорской деятельности: наибольшее количество правовых актов в рамках данного института носят ведомственный характер и реализованы в форме приказов и указаний Генерального прокурора РФ, Главного военного прокурора и прокуроров регионального звена. Регулирование правоотношений преимущественно посредством ведомственных правовых актов в прокурорском праве отмечает и В. Ю. Шобухин [18, с. 43].

В рамках рассматриваемого института применяются также методы запрета, дозволения, предписания и наказания. Характерным примером применения метода запрета являются п. 5.7 Инструкции по эксплуатации средств вычислительной техники, информационных систем и информа-

ционных ресурсов органов прокуратуры Российской Федерации, согласно которому «передача личных паролей пользователем запрещена», и п. 12.2, устанавливающий для пользователя перечень запретов⁵. За нарушение указанных требований установлена дисциплинарная (ст. 41.7 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», ст. 192 Трудового кодекса РФ), гражданско-правовая (глава 59 Гражданского кодекса РФ) и уголовная (глава 28 Уголовного кодекса РФ) ответственность, что является примером метода наказания (санкции). Примером методов дозволения и предписания служит раздел 12 названной Инструкции «Обязанности и права пользователя». Таким образом, совокупность правовых норм в сфере регулирования общественных отношений, связанных с цифровыми технологиями в прокурорской деятельности, обладает всеми признаками правового института в системе права.

Изложенное позволяет охарактеризовать указанный институт с точки зрения сложившейся в науке классификации, взяв за основу классификационные признаки, предложенные Е. А. Киримовой [1]. По объему регулируемых общественных отношений рассматриваемый институт является специальным, так как касается не всех видов общественных отношений, присущих прокурорскому праву, а лишь связанных с цифровыми технологиями. По предметно-отраслевому признаку институт в настоящее время, с учетом внутрифункциональной и вспомогательной направленности, является строго отраслевым, однако в будущем неизбежно появление совокупности нормативных правовых актов, регулирующих применение цифровых технологий при реализации возложенных на прокуратуру функций и на иных участках внешнефункциональной деятельности, что приведет к оказанию влияния на данный институт иных отраслей права, в том числе уголовно-процессуального, и позволит говорить о его внутриотраслевом смешанном характере. По способу регулирования общественных отношений институт имеет признаки как материального (например, нормы Концепции цифровой трансформации до 2030 года), так и процессуаль-

но-процедурного института (например, отдельные нормы Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации⁶).

Изложенное также позволяет отнести институт по своей структуре к категории сложных (комплексных, составных), что предполагает его подразделение на подинституты (субинституты). По функциональной роли в правовом регулировании общественных отношений институт имеет признаки как учредительного, так и регулятивного; по форме закрепления относится к институтам, нормы которых изложены в нескольких нормативных актах.

Изложенное позволяет на основе проведенного анализа сделать следующие выводы.

К настоящему времени сложился институт цифровых технологий в прокурорской деятельности — институт отрасли прокурорского права, под которым предлагается понимать совокупность правовых норм, объединенных общим предметом и методом правового регулирования и регулирующих общественные отношения в сфере разработки, применения, обеспечения работоспособности и безопасной эксплуатации цифровых технологий во внутрифункциональной и вспомогательной деятельности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации и их работников, а также непосредственно связанные с ними отношения. Основопологающим методом правового регулирования выступает императивный метод субординации и властного приказа, дополняемый методами запрета, дозволения, предписания и наказания.

Во внешнефункциональной же деятельности прокуратуры рассматриваемый институт в настоящее время только складывается: применение цифровых технологий на данном направлении пока не получило широкого нормативного закрепления, в связи с чем его институционализация ожидается в будущем.

По объему регулируемых отношений данный институт является специальным; по предметно-отраслевому признаку — отраслевым с тенденцией к преобразованию во внутриотраслевой смешанный; сочетает признаки материального и процессуально-процедурного, учредительного и регулятивного института; по структуре является

⁵ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 24.11.2021 № 701 «Об утверждении Инструкции по эксплуатации средств вычислительной техники, информационных систем и информационных ресурсов органов прокуратуры Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

⁶ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29.12.2011 № 450 «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» // ИСОП (дата обращения: 15.03.2026).

сложным (комплексным), подразделяющимся на субинституты; его нормы закреплены в нескольких нормативных правовых актах.

В науке о прокурорской деятельности данному институту корреспондирует совокупность научных знаний, взглядов, идей

и представлений о правовом регулировании указанных отношений, его социальной обусловленности и эффективности, о закономерностях, реформировании и тенденциях развития законодательства, о принципах, истории и перспективах развития института.

Литература

1. Киримова Е. А. Правовой институт. Теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 170 с.
2. Танимов О. В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 11–18.
3. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1988. 482 с.
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. — 245 с.
5. Джалилова Е. А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник ВУиТ. 2018. № 2. С. 22–31.
6. Курочкин А. В. Институциональный подход к правовым явлениям // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, № 6. С. 65–71.
7. Техническое задание на разработку отраслевой автоматизированной системы управления «ОАСУ — прокуратура»: утв. 1975 г. / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Прокуратура СССР. Москва: [б. и.], 1975. 59 с.
8. Малый А. Ф., Логунова С. О. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования // Образование и право. 2021. № 2. С. 93–98.
9. Голиков К. Н. Прокурорская деятельность: учебное пособие. — 2-е изд., испр. и доп. М.: РГУП, 2024. 148 с.
10. Винокуров А. Ю. Прокурорская наука: состояние и перспективы развития // Журнал российского права. 2014. № 9 (213). С. 128–134.
11. Аржанов М. А. О принципах построения системы советского социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 26–35.
12. Свинин Е. В. Объект и предмет правового регулирования как компоненты структурной организации правопорядка // Lex Russica. 2020. № 1 (158). С. 122–131.
13. Иоффе О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1968. Вып. 14. С. 45–60.
14. Даев В. Г., Маршунов М. Н. Основы теории прокурорского надзора. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. — 136 с.
15. Рохлин В. И. Прокурорский надзор в Российской Федерации: курс лекций. СПб., 1998. 112 с.
16. Прокурорский надзор: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева. М.: Юрайт, 2016. — 402 с.
17. Ергашев Е. Р. Принципы прокурорского надзорно-охранительного права и его институтов: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. — 435 с.
18. Шобухин В. Ю. Прокурорское право — отрасль российского права // Законность. 2009. № 7 (897). С. 43–46.
19. Винокуров А. Ю. К вопросу об изучении прокурорского права // Высшее образование для XXI века: сб. матер. VI международной науч. конференции, 19–21 ноября 2009 г. М.: МосГУ, 2009. С. 83–86.
20. Алексеев С. С. О теоретических основах классификации отраслей советского права // Советское государство и право. 1987. № 7. С. 100–107.
21. Козлов А. Ф. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Общая часть: учеб. пособие. Екатеринбург, 1999. — 168 с.
22. Воронин О. В. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебно-методический комплекс / под ред. А. Г. Халиулина. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. — 176 с.

References

1. Kirimova E. A. Pravovoj institut. Teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 1998. 170 s.
2. Tanimov O. V. Transformaciya pravootnoshenij v usloviyah cifrovizacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. № 2. S. 11–18.

3. Engel's F. Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedennyj gospodinom Evgeniem Dyuringom. M.: Politizdat, 1988. 482 s.
4. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: YUrist", 2004. 245 s.
5. Dzhalilova E. A. Problemy opredeleniya ponyatiya i sushchnosti instituta prava // Vestnik VUiT. 2018. № 2. S. 22–31.
6. Kurochkin A. V. Institucional'nyj podhod k pravovym yavleniyam // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2015. T. 157, № 6. S. 65–71.
7. Tekhnicheskoe zadanie na razrabotku otraslevoj avtomatizirovannoj sistemy upravleniya «OASU — prokuratura»: utv. 1975 g. / Vsesoyuz. in-t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti. Prokuratura SSSR. Moskva: [b. i.], 1975. 59 s.
8. Malyj A. F., Logunova S. O. Instituty prava i pravovye instituty v sovremenном rossijskom prave i osobennosti ih formirovaniya // Obrazovanie i pravo. — 2021. — № 2. S. 93–98.
9. Golikov K. N. Prokurorskaya deyatel'nost': uchebnoe posobie. — 2-e izd., ispr. i dop. M.: RGUP, 2024. — 148 s.
10. Vinokurov A.YU. Prokurorskaya nauka: sostoyanie i perspektivy razvitiya // ZHurnal rossijskogo prava. 2014. № 9 (213). S. 128–134.
11. Arzhanov M. A. O principah postroeniya sistemy sovetskogo socialisticheskogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1939. № 3. S. 26–35.
12. Svinin E. V. Ob"ekt i predmet pravovogo regulirovaniya kak komponenty strukturnoj organizacii pravoporyadka // Lex Russica. 2020. № 1 (158). S. 122–131.
13. Ioffe O. S. Strukturnye podrazdeleniya sistemy prava (na materialah grazhdanskogo prava) // Uchenye zapiski VNIISZ. M., 1968. Vyp. 14. S. 45–60.
14. Daev V. G., Marshunov M. N. Osnovy teorii prokurorskogo nadzora. L.: Izd-vo LGU, 1990. 136 s.
15. Rohlin V. I. Prokurorskiy nadzor v Rossijskoj Federacii: kurs lekcij. SPb., 1998. 112 s.
16. Prokurorskiy nadzor: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata / pod red. A. F. Smirnova, A. A. Usacheva. M.: YUrajt, 2016. 402 s.
17. Ergashev E. R. Principy prokurorskogo nadzorno-ohranitel'nogo prava i ego institutov: dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2008. — 435 s.
18. SHobuhin V.YU. Prokurorskoe pravo — otrasl' rossijskogo prava // Zakonnost'. 2009. № 7 (897). S. 43–46.
19. Vinokurov A.YU. K voprosu ob izuchenii prokurorskogo prava // Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: sb. mater. VI mezhdunarodnoj nauch. konferencii, 19–21 noyabrya 2009 g. M.: MosGU, 2009. S. 83–86.
20. Alekseev S. S. O teoreticheskikh osnovah klassifikacii otraslej sovetskogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1987. № 7. S. 100–107.
21. Kozlov A. F. Prokurorskiy nadzor v Rossijskoj Federacii: Obshchaya chast': ucheb. posobie. Ekaterinburg, 1999. — 168 s.
22. Voronin O. V. Prokurorskiy nadzor v Rossijskoj Federacii: uchebno-metodicheskij kompleks / pod red. A. G. Haliulina. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 2021. 176 s.

Сведения об авторе

Гайдуков И. Ю. — соискатель ученой степени кандидата юридических наук ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», старший помощник прокурора Западного административного округа г. Москвы, младший советник юстиции, Москва. E-mail: ivanagprf@mail.ru

Information about the author

Gaydukov I. Yu. — Applicant for the Degree of Candidate of Sciences (Law) at the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation", Senior Assistant Prosecutor of the Western Administrative District of Moscow, Junior Counsellor of Justice, Moscow. E-mail: ivanagprf@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 06.08.2026

Дата рецензирования / Received: 12.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

39

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

